

Оглавление

Служение славянофилов	5
Лопнувшие иллюзии	21
Европейские духи небытия	25
Метафизика зла у Ф. М. Достоевского (по роману «Преступление и наказание»)	39
Прозрения Ф. М. Достоевского	93
Кривое зеркало публицистики	104
Н. А. Бердяев о «русском коммунизме»	119
Послание Соловецких епископов 1926 года	144
Соблазн евразийства	147
Национальная диктатура по И. А. Ильину	169
Русские гении о национальном характере.....	177
Н. А. Бердяев о русском характере	182
И. А. Ильин о русском характере	195
В. Г. Распутин о русском характере	214
Ксения Касьянова о русском характере.....	217
А. И. Солженицын о русском характере.....	242
И. Р. Шафаревич — великий математик-мыслитель	248
«Малый народ» против «Большого народа»	264

Русский Собор о русской идентичности	271
Церковный ответ на русский вопрос	281
Книги Виктора Аксючица	287

Служение славянофилов

В XIX веке, пережив в Александровскую эпоху «детскую болезнь» туманной гуманистической религиозности, мистических увлечений, бдений в масонских ложах, интерконфессионального христианства, русская мысль после Пушкина обращается к национальным культурным и религиозным традициям. Творчество русских мыслителей пробивается через вненациональную светскую культуру и обретает национальный язык, индивидуальную тональность, оригинальный образ и собственные темы.

Славянофилы — патриоты — были европейски образованными людьми. Их мировоззренческое формирование началось традиционно для образованных слоёв России. П. В. Анненков писал о столичной интеллектуальной атмосфере: *«Белинский ещё не вносил ни малейшего раскола в тот молодой кружок, сформировавшийся в начале 30-х годов под сенью Московского университета, из которого потом вышли самые замечательные личности последующих годов. Зародыши различных и противоборствующих мнений уже находились в нём, как легко убедиться из имён, составлявших его персонал (К. Аксаков, Станкевич и др.), но зародыши эти ещё не приходили в брожение и таились до поры до времени за дружеским обменом мыслей, за **общностью научных стремлений**. Достаточно вспомнить, что К. Аксаков был тогда германизирующим философом, не менее Станкевича; П. Киреевский — завзятым европейцем и западником, не уступавшим Т. Н. Грановскому»*. Этот круг молодых людей, можно сказать, «жил» философией, на всё смотрел и всё решал с философской точки зрения. С 1836 года в кружке начинается *«упоение гегелевской философией»*, которую произвольно разъяснял будущий теоретик анархизма М. А. Бакунин, после чего *«человек, не знакомый с Гегелем, считался кружком почти что не существующим человеком»* (П. В. Анненков). Властитель читающих умов Белинский, пережив увлечение Шеллингом,

возбуждённый новизной и глубиной новых идей, фанатично, с восторгом агитирует за философию Гегеля, доводя до крайности, до абсурда гегелевский тезис: «*всё действительное разумно*». При этом, не владея ни одним иностранным языком, Белинский знает о Гегеле только из пересказов Бакунина. С тех пор **экзальтированный дилетантизм** становится неотъемлемой чертой прозападнической интеллигенции.

В отличие от западников славянофилы не разделяли иллюзию «русского Запада», что позволяло реально оценивать состояние западноевропейской цивилизации. Вместе с тем, славянофилы усвоили лучшее в Европе: историзм — понимание общественного развития как органического процесса, уважение к прошлому; признание рационального в жизни; возрождение национального самосознания; открытие иррациональной природы в индивидуальности — человеческой и национальной. Они не поработились западным опытом, а творчески его переработали.

Величие **духовного подвига** славянофилов в том, что они сумели не поработиться тотальным европеизмом образованных слоёв России, а первыми в образованном обществе вырвались из сословных предрассудков и непредвзято взглянули на свой народ. «*Славянофильство первое выразило в сознании тысячелетний уклад русской жизни, русской души, русской истории*» (Н. А. Бердяев). В своих воспоминаниях дочь поэта Анна Фёдоровна Тютчева пишет «*о той небольшой группе умных людей, которых наше глупое общество иронически прозвало славянофилами, ввиду их националистических тенденций, но которые по существу были первыми мыслящими людьми, дерзнувшими поднять свой протестующий голос во имя самобытности России, и первые поняли, что Россия не есть лишь бесформенная и инертная масса, пригодная исключительно к тому, чтобы быть вылитой в любую форму европейской цивилизации и покрытой, по желанию, лоском английским, немецким или французским; они верили, и они доказали, что **Россия есть живой организм, что она таит***

в глубине своего существа свой собственный нравственный закон, свой собственный умственный и духовный уклад и что основная **задача русского духа** состоит в том, чтобы выявить эту идею, этот **идеал русской жизни**, придавленный и не понятый всеми нашими реформаторами и реорганизаторами на западный образец... Большинству из них благодаря преждевременной смерти и вследствие неблагоприятных обстоятельств не удалось выполнить той интеллектуальной работы, к которой они, казалось, были призваны, но они бросили семена плодотворной и оригинальной мысли, и в своё время эти семена принесут свои плоды».

Через славянофилов образованное общество открыло утраченные богатства русской культуры и национального характера. У славянофилов чувство вины и покаяния по отношению к простонародью впервые выразилось в здоровых формах. Славянофилы в истории искали не золотой век, а русскую идею — идеал будущего России. И о современности они судили не с точки зрения ветхой старины, а через русский идеал. Это была первая сознательная попытка сформулировать **историческую миссию** России. Идеал народа **метаисторичен** — вне истории, но движет историю. Он формулирует историческое назначение миссию, к которому предназначен народ от вечности. Абсолютные нормы истины, добра, красоты должны явиться в конкретных исторических формах. Славянофилы открыли, что идеал русского народа есть Православие. В их лице сознание образованного общества коснулось русского духа, культуры, истории. «Если идти в глубь веков искать мистической подпочвы славянофильства, то мы дойдём до мистики восточноправославной, положенной в основание всей христианской культуры Востока, до Добротолубия, до умного делания и умной молитвы» (Н. А. Бердяев). В обретении своего исторического пути (по выражению прот. Георгия Флоровского: «Вперёд к отцам» к святоотеческому наследию) Россия призвана вернуться к Православию, воссоздать христианские формы жизни, свидетельствовать человечеству о соборном братстве и единении народов.

Славянофилы переоткрыли для себя и для общества старинную русскую мысль о религиозности русской культуры и русской мысли. *«На вопрос о том, где Церковь, славянофилы ответили: “Церковь там, где люди, соединённые взаимною братскою любовью и свободным единомыслием, становятся достойным вместилищем единой благодати Божьей, которая и есть истинная сущность и жизненное начало Церкви, образующее её в единый духовный организм”»* (Вл. С. Соловьёв). Славянофилы впервые сформулировали основные темы русской историософии: народность, самобытность России, неповторимость форм её общественного развития (община, артель), отношения русской и западноевропейской цивилизаций, Востока и Запада. Не создавая философских систем, они задали творческий импульс для зарождения самобытной русской философии.

Алексей Степанович Хомяков — талантливый богослов и философ — оказал большое влияние на своих друзей-славянофилов и на многих думающих людей в России. Алексей Степанович был натурой сильной и цельной. Смолоду он был против радикализма и военных переворотов (осуждая декабристов): *«Войско... это — собрание людей, которых народ вооружил на свой счёт: оно служит народу. Где же будет правда, если эти люди, в противоположность своему назначению, начнут распоряжаться народом по своему произволу»*. Князя **А. И. Одоевского** он уверял, что тот не либерал, а лишь предпочитает единодержавию тиранию вооружённого меньшинства. Хомяков был гением универсальным, наиболее универсальным и разносторонним из славянофилов, развивая славянофильские идеи в богословии, философии, истории, филологии, публицистике и поэзии.

Так восторженное писал о нём **Михаил Погодин**: *«Хомяков! Что это была за натура, даровитая, любезная, своеобразная! Какой ум всеобъемлющий, какая живость, обилие в мыслях, которых у него в голове заключался, кажется, источник неиссякаемый, бивший ключом при всяком случае направо и налево! Сколько сведений самых*

разнородных, соединённых с необыкновенным даром слова, текшего из уст его живым потоком! Чего он не знал?.. Не было науки, в которой Хомяков не имел бы обширнейших познаний, которой не видел бы пределов, о которой не мог бы вести продолжительного разговора со специалистом или задать ему важных вопросов. Кажется, ему оставалось только объяснить некоторые недоразумения, пополнить несколько пробелов... И в то же время Хомяков писал проекты об освобождении крестьян за много лет до состоявшихся рескриптов, предлагал планы земских банков или по поводу газетных известий, на ту пору полученных, распределял границы американских республик, указывал дорогу судам, искавшим Франклина, анализировал до малейшей подробности сражения Наполеоновы, читал наизусть по целым страницам из Шекспира, Гёте или Байрона, излагает учение Эдды и буддийскую космогонию... И в то же время Хомяков изобретает какую-то машину с сугубым давлением, которую посылает на английскую всемирную выставку и берёт привилегию; сочиняет какое-то ружьё, которое хватает дальше всех, предлагает новые способы винокурения и сахароварения, лечит гомеопатией все болезни на несколько верст в округности, скачет по полям с борзыми собаками зимней порошею за зайцами и описывает все достоинства и недостатки собак и лошадей как самый опытный охотник, получает первый приз в обществе стрельяния в цель, а ввечеру является к вам с сочиненными им тогда же анекдотами о каком-то диком прелате, пойманном в костромских лесах, о ревности какого-то пермского исправника в распространении христианской веры, за которое он был представлен к Св. Владимиру, но не мог получить его потому, что оказался мусульманином». Но по-русски же — ленив, по признанию собственному и близких. Писал только по вдохновению, приятели запирали его на ключ, чтобы принудить писать «Записки по всемирной истории».

Вместе с тем, Хомяков — «первый свободный русский богослов» (Н. А. Бердяев). Юрий Самарин предложил назвать Хомякова учителем Церкви. Анна Тютчева писала о том, как «одна брошюра в несколько страниц — небольшой религиозный полемический трактат

о нашей Церкви, очень краткий, но яркий и вдохновенный, — произвела целый переворот в моём нравственном сознании. Это краткое изложение догматов нашей Церкви принадлежало перу москвича Ал. С. Хомякова... Эти брошюры, запрещённые в России и напечатанные за границей, первое издание которых было уничтожено иезуитами, были написаны на французском языке, затем переведены на английский и немецкий и, наконец, уже на русский. Этим немногим вдохновенным страницам, ещё теперь слишком малоизвестным, предстоит огромное будущее; они явятся тем невидимым звеном, благодаря которому западная религиозная мысль, измученная отрицанием и сомнением, сольётся с великой идеей Церкви — Церкви истинной православной, Церкви идеальной, основанной Христом, а не Церкви, понимаемой как организация государственная или общественная».

В статье «О старом и новом» (1839 год) Хомяков сформулировал основные **положения славянофильства**. А. С. Хомяков развивал идеи русского мессианства — богоизбранности русского народа: «История призывает Россию стать впереди всемирного просвещения, она даёт ей на это право за всесторонность и полноту её начал». Русский народ в своей вере и в образе жизни является носителем подлинно христианских истин. Русское Православие — религия творящего духа, гармонично сочетающая разум с верой как высшей формой познания, — противостоит власти естественной необходимости и господству логически-рассудочных начал Запада. Предназначение России, независимой от «упаднической перекультурности», — освободить человечество от одностороннего и ложного развития, навязанного истории Западом. А. С. Хомяков говорил о *пустодушии* европейского просвещения: «Отжили не формы, но начало духовное, не условия общества, но вера, в которой жили общество и люди... **Внутреннее омертвление** людей высказывается судорожным движением общественных организмов... О, грустно, грустно мне — ложится тьма густая на дальнем Западе, стране святых чудес». В поисках национальной самобытности русский народ обретёт универсальные истины,

которые могут послужить другим народам и мировой цивилизации: «Многие из моих соотечественников желали бы видеть в нас начала аристократические и гордость германскую... Но чуждая стихия не срастается с духовным складом славянским. Мы будем, как всегда и были, демократами между прочих семей Европы... Зародыши будущей жизни мировой — не германец, аристократ и завоеватель, а славянин, труженик и разночинец» (А. С. Хомяков).

Иван Васильевич Киреевский, мировоззрение которого определилось святоотеческой литературой и русской православной традицией, любил европейскую культуру, много ездил по Европе, встречался с Гегелем и Шеллингом, издавал журнал «Европеец». Киреевский писал: «Я и теперь ещё люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привязанностями». Поэтому суждения Киреевского о кризисе западной культуры отличаются знанием её: «Многовековой **холодный анализ** разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение от самого начала своего развития, так что собственные его коренные начала, из которых оно выросло, сделались для него посторонними, чужими, противоречащими его последним результатам... Самое торжество ума европейского обнаружило **односторонность** его коренных стремлений... Логическая деятельность, отрешенная от всех других познавательных сил человека... **Разрушительная рассудочность**... Воздушные диалектические построения... при всём блеске, при всех удобствах наружных усовершенствований жизни самая жизнь лишена была существенного смысла... Западный человек **раздробляет** свою жизнь на отдельные стремления и хотя связывает их рассудком в один общий план, однако в каждую минуту жизни является как иной человек... Бесчувственный холод рассуждения и крайнее увлечение сердечных движений почитают они равнозаконными состояниями человека... Вообще можно сказать, что центр духовного бытия ими не ищется... Богословие на Западе приняло характер рассудочной отвлечённости — в православии оно

сохранило внутреннюю целость духа; там развитие сил разума — здесь стремление к внутреннему, живому».

Основная коллизия России и Европы по Киреевскому — противостояние органичного, целостного христианского мировоззрения и выхолощенного западного рационализма. Русский ум предназначен преодолеть рационалистическую односторонность европейского просвещения, возвращаясь к христианскому мировоззрению: «*Особенность России заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней, — во всём объеме её общественного и частного быта*» (И. В. Киреевский). Расцвет русской православной культуры возможен на основе христианского универсализма, свойственного русскому Православию, при овладении достижениями современной цивилизации.

И. В. Киреевский считал, что «*корень образованности России живёт ещё в народе, и, что всего важнее, он живёт в его святой православной Церкви*». Для воссоздания просвещённой русской культуры образованный класс, который предназначен «*вырабатывать мысленно общественное самосознание*», должен «*наконец полнее убедиться в односторонности европейского просвещения*». Нужно понять, что «*создаемое донныне*» было «*из смешанных и большею частью чуждых материалов*». Когда же образованный класс «*живее почувствует потребность новых умственных начал, когда с разумною жаждою полной правды он обратится к чистым источникам древней православной веры своего народа* и чутким сердцем будет прислушиваться к ясным ещё отголоскам этой святой веры Отечества в прежней, родимой жизни России, тогда, вырвавшись из-под гнёта рассудочных систем европейского любомудрия, русский образованный человек в глубине особенно, недоступного для западных понятий, живого, **цельного умозрения святых отцов Церкви** найдёт самые полные ответы именно на те вопросы ума и сердца, которые всего более тревожат душу, обманутую последними результатами западного самосознания. А в прежней жизни

Отечества своего он найдёт возможность понять развитие другой образованности» (И. В. Киреевский).

Не только осмысление западной образованности должно подчиняться «господствующему духу православно-христианского любомудрия», но русское православие, считал Киреевский, призвано оздоровить все стороны жизни России: «Чем более будут проникаться **духом православия** государственность России и её правительство, тем здоровее будет развитие народное, тем благополучнее народ и тем крепче его правительство».

Все славянофилы своей творческой энергией вносили разнообразный вклад в пробуждение русского национального сознания. **К. С. Аксаков** — в 1855 году в статье «О внутреннем состоянии России» писал, что русский «негосударственный народ» не стремится участвовать в управлении, поэтому для него чужды как революционные настроения, так и конституционные начала. В выявлении природы русского народа К. С. Аксаков противопоставлял государственное (**государство**), которое призвано к «преимущественно делу военному... защите и охране жизни народа», и общественное (**земское**) — духовно нравственную деятельность народа: «народу — сила мнения, Царю — сила власти». Он считал, что русская государственность — монархия, основанная на строжайшей дисциплине и единоначалии, уравнивается независимостью совести и мысли в общественности: «Деятельность народа, как деятельность человека, должна быть самостоятельна». Гармония *государства* и *земли* была нарушена революцией Петра I, с которой государство подчинило дела земли, из служителя народа превратилось в его тирана. Отсюда в России «внутренние язвы»: раскол, крепостное состояние, взяточничество... Надо сказать, что это было первая адекватная (а потому и достаточно мужественная) оценка исторической роли Петра I в среде созданного им прозападного правящего и культурного сословия. В работе «О русском воззрении» (1856 год) К. С. Аксаков развивает концепцию славянофильства: «Деятельность народа, как

деятельность человека, должна быть самостоятельна». Он резко критикует стремление отождествлять европейского с общечеловеческим, поэтому называет рабским заимствование в европейской одежде, языке, литературе. Он был поборником уникальности и богатства русского языка, призывал относиться к нему «без иностранных очков», не писать русские грамматики по образцу европейских.

Критикуя западное миропонимание К. С. Аксаков писал: «На Западе — душа убивается, заменяясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством; совесть заменяется законом, внутренние побуждения — регламентом; даже благотворительность превращается в механическое дело... Запад потому и развил в себе законность, что чувствовал в себе недостаток правды». К. С. Аксаков писал о современном человеке: «Бог может помочь, но к нему прибегают всё реже... Не праздно утешаться заранее светлым будущим должны мы, но... обратить испытующий взор на настоящее зло, на **болезнь нашего времени**. Познание болезни необходимо для исцеления, и часто оно уже одно — верный шаг к исцелению. Да, нам необходимо теперь сознание, сознание своего недуга, своей лжи. Ложь эта так ещё сильна, что способна привести в отчаяние человека, не крепкого духом... **Расшатались нравственные общественные основы**, если и не совсем отброшены. Расслабело всё общество и не может противопоставить силы общественного отпора злу, вторгающемуся в его область. Но общество — существо живое, и если оно может совокупно падать, то может совокупно и вставать. Будет ли время, когда **деятельная мысль и просвещённая воля** укрепят общество и сделают его самостоятельным?»

И. С. Аксаков — редактор влиятельных славянофильских газет «День», «Москва», «Русь», — был единомышленником брата: «Общественный и личный идеал человечества стоит выше всякого... государства, точно так, как совесть и внутренняя правда стоят выше закона и правды внешней».

Ю. Ф. Самарин — наряду с большой общественной и государственной деятельностью, в своих записках поддерживал и развивал идеи славянофилов. Он писал о самобытном развитии России, в реформах выступал против ломки народного быта и преждевременного искажения его начал. Вместе с тем, он поддерживал положительные нововведения, даже и заимствованные в Европе. Он вёл успешную полемику с радикальными «охранителями», отстаивая земское самоуправление, зачатки свободного печатного слова, нового суда, рассматривая их как условия поднятия народного духа, придания национального характера государственной и общественной жизни. Ю. Ф. Самарин был сторонником «народной монархии», которая была наиболее ярко выражена в допетровскую эпоху.

Славянофилы осознали исторический процесс адекватнее западников, что выразилось, в частности в формулировках нередко пророческих: *«Революция есть не что иное, как **рационализм в действии**, иначе — формально правильный силлогизм, обращённый в стенобитное орудие против свободы живого быта. Первой предпосылкой служит всегда абстрактная догма, выведенная априорным путём — обобщением исторических явлений определённого рода. Вторая предпосылка заключает в себе подведение под эту догму данной действительности и приговор над последней, изрекаемый исключительно с точки зрения первой: действительность не сходится с догмой и потому осуждается на смерть. Заключение облачается в форму повеления и, в случае сопротивления, приводится в исполнение посредством винтовок и пушек или вил и топоров, что не меняет сущности операции, предпринимаемой над обществом»* (Ю. Ф. Самарин).

Талантливый полемист Ю. Ф. Самарин раскритиковал систему иезуита-казуиста Германа Бузенбаума, после чего иезуиты стали избегать дальнейшей полемики. По словам западника К. Д. Кавелина, *«ни огромные знания, ни замечательный ум, ни заслуги, ни великий писательский талант не выдвинули бы так вперед замечательную личность Самарина, если бы к ним не присоединились*

два несравненных и у нас, к сожалению, очень редких качества: непреклонное убеждение и цельный нравственный характер, не допускавший никаких сделок с совестью, чего бы это ни стоило и чем бы это ни грозило».

Критика славянофилами западной цивилизации не отрицает того факта, что они были большими европейцами, чем русские западники, лучше понимали христианские основы европейской культуры. «Вопреки ходячему словоупотреблению, согласно которому антизападничество отождествляется со славянофильством, как раз можно утверждать, что в славянофильстве, при всей остроте и напряжённости их критики Запада, антизападничество было не только не ярым (сравнительно с другими однородными направлениями), но даже постоянно смягчалось их **христианским универсализмом**, — этой **исторической транскрипцией вселенского духа**, веяние которого в Православии именно они так глубоко чувствовали и выражали. Защита русского своеобразия и острая, часто даже пристрастная борьба с западничеством, с слепым или обдуманым перенесением на русскую почву западных обычаев, идей и жизненных форм, наконец, острое чувство религиозного единства Запада и невозможность игнорировать различие Запада и России — всё это вовсе не было антизападничеством, а соединялось даже со своеобразной и глубокой любовью к нему... Славянофильство было глубоко и внутренне свободно... Славянофилам при всём пламенном их патриотизме и горячей защите русского своеобразия совершенно был чужд сервилизм, угодничество и затыкание рта противников... Это были большие люди русской жизни, в которых глубокая вера в правду Церкви и великие силы России соединялась с действительной защитой свободы. Философия свободы у Хомякова, защита политической свободы у Аксакова — изнутри связаны с духом их учения... Дух свободы изнутри проникает всё учение славянофилов» (В. В. Зеньковский).

Через славянофилов образованные слои познакомились с православной традицией исихазма. Воцерковляясь, славянофилы подвязались в Оптиной Пустыни, переживавшей в то время

возрождение традиции учёного монашества. Учение о христианской соборности, о Церкви, о свободе и христианском персонализме, христианский универсализм, религиозное обоснование государственной власти — творческие достижения славянофилов были симптомами духовной революции. Формирование идеологии официальной народности — «Православие. Самодержавие. Народность» — не обошлось без влияния славянофилов. Конечно же восприятие славянофильских идей в официальных кругах не могло обойтись без огрубения и доли искажения. Ибо *«Официальная власть всегда относилась к славянофилам подозрительно, хотя славянофильство было единственной приличной идеологией власти, единственной идейной санкцией самодержавия как обладающего высокой миссией. Абсолютная бюрократия не доверяла никаким идеям, никакому творческому самосознанию свободного духа. В николаевскую эпоху даже славянофилы — идеальные консерваторы — были на политическом подозрении»* (Н. А. Бердяев).

Славянофилы были не только выдающимися мыслителями, но, когда представилась возможность, участвовали в преобразованиях. Славянофилы всячески поддерживали отмену крепостного права, земскую реформу, свободу слова, гласность суда, реформы для развития промышленности. Они вносили в общество национально-государственную идею — государство, опирающееся на национально-культурные традиции, представили государственные задачи в национальном свете, который обосновывал путь реформ. Они видели значительно дальше других реформаторов, призывая к созыву Земских Соборов. *«Это — либеральные славянофилы, активно бравшие под свою защиту всякие свободы, но верные истине православия и историческому укладу русской государственности. Освободительная деятельность славянофилов, верных лучшим заветам народного самосознания, — практический плод славянофильства. Славянофилы освобождали крестьян с землей, боролись за свободу совести и свободу слова, обличали язвы нашего церковного строя и неправильного его отношения к государству, боролись*

за интересы угнетенных славян и провозглашали идеалы панславизма. Наряду с этим они вели борьбу с нахлынувшей на нас волной нигилизма, материализма и неверия. Они хотели предотвратить роковой процесс разложения русского общества на элементы враждующие, хотели остановить рост взаимной ненависти. Они верили ещё, что возможна органическая связь власти и народа, что Россия может избежать политической борьбы за власть и экономической борьбы классов, что народ наш, как народ христианский, обладает органическим единством, что в нем бьется единое сердце» (Н. А. Бердяев).

С запиской Ю. Ф. Самарина «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе» ознакомился Александр II зимой 1856–1857 года, перед принятием решения о создании Секретного комитета по крестьянскому вопросу. «Великая историческая заслуга славянофилов в том, что в трагической обстановке 1855–1856 годов они — связав свои идеи реформ с **делом общенационального возрождения** — придали русской общественно-политической мысли ту творческую динамику, которая должна была вывести Россию на путь развития своего национального, правового государственного устройства... Кризис был превзойден общим патриотическим подъёмом, единым национальным стремлением к обновлению страны, мобилизовавшим все творческие силы общества — не только славянофилов, но и всех западников, которые сумели понять, что им не нужно себя “выносить за национальные скобки”, чтобы быть европейцами... Л. Толстой восторженно говорил, что “кто не жил в 1856 году, тот не знает, что такое жизнь”. Это было время, когда “писали, читали, говорили и все россияне, как один человек, находились в неотложном восторге”. Заслуга же императора Александра II в том, что он проявил глубокую политическую прозорливость и, ощутив мощную патриотическую общественную опору, решительно встал на путь **преобразования всей русской жизни** и призвал к служению России лучших государственных деятелей того времени... Выражаясь словами Киреевского, можно сказать, что в связи с Крымской войной в стране выявилось “общее для всех мыслящих людей искание особого

православного начала для просвещения, не сознаваемого, по большей части, но чувствуемого каким-то неясным чутьём". Это говорило о том, что в этом переломном периоде нашей истории произошла своеобразная **революция**: была отвергнута идея николаевского "европеизма" и на смену ей была выдвинута та национально-государственная идея — идея государства, опирающегося на национальные культурно-политические традиции, — которая вынашивалась в славянофильской общественности ещё с тридцатых годов. Эта идея не была антиевропейской, она не исключала Россию из системы государств христианской культуры... Активная позиция славянофилов в деле отмены крепостного права, в деле земской реформы и подготовки всех дальнейших преобразований говорит сама за себя. Славянофилы выступали за свободу слова, придавали важнейшее значение гласности суда, требовали созыва земских соборов и предлагали целый ряд реформ для развития промышленности. В журнальной полемике, в политических брошюрах и в записках на высочайшее имя славянофилы активно заявили о себе по всем животрепещущим вопросам своего времени. Но не просто заявили о себе, а представили государственные задачи в том новом национальном свете, который озарил и обосновал путь реформ» (Ю. Жедилягин).

Общественный подъём, вызванный великими реформами, объединил в государственном строительстве идейных полемистов. Вместе со славянофилами в создании либеральных реформ и их проведении принимали активное участие учёные-западники государственной школы К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьёв.

Но и эта линия обновления России была непоследовательной и трагически оборвалась. Половинчатость крестьянской реформы объясняется тем, что не удалось преодолеть исторический предрассудок о статусе дворянства и его землевладения. Табуирование этой темы в общественном сознании тормозило реформы. В дворянско-интеллигентской части общества вызрели силы, которые насильственно их прервали убийством Царя-освободителя.

«Судьба славянофильства печальна. До сих пор не получили славянофилы справедливой оценки. Славянофильское учение предано было поруганию как врагами, так и непрошенными друзьями и последователями. Самое большое явление в истории нашего самосознания или игнорировалось, или освещалось неверно» (Н. А. Бердяев). Ныне предстоит подлинно оценить миссию славянофильства. Самобытные и яркие, а, главное, соприсродные национальному менталитету (как бы он не был искажён в правящих и культурных слоях) идеи славянофилов творчески отозвались в будущих поколениях. Странниками и последователями славянофилов были **Ф. И. Тютчев, В. И. Даль, Н. М. Языков, Ф. М. Достоевский, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев**. О **величии служения** славянофилов свидетельствует тот факт, что впервые пробуждённые ими историческая память и национальное сознание образованного общества определяет и современную жизнь: от *«партии, которую можно усадить на одном диване»* (министр внутренних дел граф Блудов) — к патриотической революции и массовому воцерковлению культурных слоёв.

Лопнувшие иллюзии

Элемент самокритичности наличествовал в сознании интеллигенции. В каждом поколении в её рядах находились трезвые головы, которые разоблачали **фикции «русского Запада»**. Как и положено всякой иллюзии, она разбивалась при столкновении с Западом реальным, чем объясняется ряд разочарований, постигших русских путешественников по Европе. Но интеллигенция как сословие проходила мимо этих прозрений, не хотела их воспринимать.

Многие русские интеллигенты при ближайшем знакомстве с Европой могли бы повторить слова Фонвизина: *«Пребывание моё во Франции убавило сильно её цену в моём мнении; я нашёл доброе в гораздо меньшей мере, нежели воображал, а худое в такой большой степени, которой и **вообразить не мог!**»* Мираж воображаемой Европы рассыпался при соотнесении с реальностью.

С русскими часто происходило то, что, по мнению П. В. Анненкова, произошло с Белинским и что *«не раз повторялось со многими из наших самых рьяных западников, когда они делались туристами: они чувствовали себя как бы обманутыми Европой»*. Анненков вспоминал о 40-х годах XIX века: *«Русская интеллигенция любила не современную, действительную Францию... а Францию идеальную, воображаемую, фантастическую... У нас искали потаённой Франции»*.

Характерно и признание Гоголя: *«Мысль, которую я носил в уме, о **чудной, фантастической** Германии, исчезла, когда я увидел Германию в самом деле»*.

Горечью, обидой проникнуты письма Герцена из Европы. В России он грезил европейской *«колыбелью свободы»*, в Европе же почувствовал себя на *другом берегу*. В книге *«С того берега»*, которую Анненков характеризовал как *«самое пессимистическое созерцание западного развития»*, Герцен, обращаясь к сыну, писал: *«Мы устраняем старую ложь... Мы довольно долго изучали **хилый организм***

Европы, во всех слоях и везде мы находили **перст смерти**. Едва веришь глазам: неужели это та самая Европа, которую мы тогда знали и любили... Вещи, которые я никогда не считал возможными в Европе даже в минуты ожесточённой досады и самого чёрного пессимизма, сделались обыкновенны, ежедневны». Герцен описывает иллюзии «русского Запада», которые «не исполнили своей великой задачи, они разрушили веру, но не осуществили свободу, они зажгли в сердцах желания, которых они не в силах исполнить... Прощай, отходящий мир, прощай, Европа». В лице Герцена определённая часть русского общества прощалась с не воплотившимися грезами «русской Европы».

Цепь разочарований можно резюмировать словами письма Достоевского из Европы: «Господи, какие у нас **предрассудки** насчёт Европы». Болезненное воображение, бесплодная фантазия, предрассудки, самообман — неизбежный вывод, к которому приводит в сознании интеллигенции столкновение «русского Запада» с Западом реальным. Русские образованные люди искали в Европе высоких идеалов, но при знакомстве с реальной Европой они обнаруживали господство *серединой культуры*, которая принципиально неприемлема для *двуполярного русского духа*.

«На краю нравственной гибели», к которой привел Герцена крах главной иллюзии жизни, он обращается к России: «Я чую сердцем и умом, что история толкается именно в наши ворота... Осталось только два интересных вопроса: вопрос социальный и вопрос русский... Народ русский для нас больше, чем родина». Так Герцен становится родоначальником русского народничества. Но это оказалось сменой предмета **мифотворческого сознания**. Не найдя в Европе исполнения беспочвенных фантазий, русская интеллигенция обратила свой воспаленный взор на Россию. И Россию она видела с точки зрения противопоставления *прогресса* и *варварства*, *передового* и *отсталого*, революционного и консервативного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru